

УДК: 72.023; 7.033.2
ББК: 85.113(2); 85.12
А43
DOI: 10.18688/aa199-3-33

В. Н. Матвеев

Галицкие керамические плитки: проблема поиска образцов

Публикуемая статья является продолжением исследования автором темы галицких рельефных плиток и прямым продолжением работы, опубликованной в одном из предыдущих сборников [23]. В ней шла речь о том, что разделённые ещё М. В. Малевской и П. А. Раппопортом на два типа [22, с. 87] галицкие рельефные плитки по своим морфологическим особенностям (форма, размеры и характеристики керамического теста) относятся к двум разным традициям: русской и западноевропейской. Даже при беглом осмотре бросается в глаза разница между двумя типами по технике нанесения рисунка, его стилю и набору изображённых персонажей¹. Цель данной статьи — проследить, на какие образцы опирались мастера при создании изображений на плитках, связаны они были с Русью или Европой, и проверить, подтверждаются ли на этом материале выводы, полученные при анализе глиняной основы.

Плитки первого типа были обнаружены в нескольких памятниках в Галиче и в двух городищах на Буковине. В Галиче они были найдены в Успенском соборе [26, с. 96] и развалах рядом с ним [17, с. 64], квадрифолии в урочище Карпов Гай («Полигоне») [13, с. 238] и церкви на Царинке [19, с. 569]. Скорее всего, в Успенском соборе плитки относятся к первоначальному полу 50-х гг. XII в., плитки из «Полигона» — к середине — второй половине XII в., из церкви на Царинке датируются широко в пределах первой половины XII — начала XIII в. За пределами Галича плитки найдены в деревянной церкви в Василёве [27, с. 112–113] и в развалах на Ленковецком городище [6, с. 195]. Здесь также датировки очень приблизительные: в Василёве они датируются второй половиной XII в. по аналогии с находками в Успенском соборе, на Ленковецком городище датировка условная, XII–XIII вв. Первоначально поливой была покрыта вся поверхность плитки, она перекрывала не только фон, но и линии контуров, однако от продолжительного использования (хождения по плиткам) полива, перекрывающая линии контуров, протерлась, и они стали выступать над поверхностью плитки. Интересно, что первоначально рисунок, проступая сквозь поливу, читался плохо.

¹ На плитках первого типа присутствуют грифон, орёл и сирин (в двух вариантах изображения), то есть те существа, которые были хорошо известны на Руси, появляются на различных предметах древнерусского декоративно-прикладного искусства, на стенах храмов. На плитках второго типа есть пантера, василиск и сирена, которых нет в арсенале древнерусской художественной культуры, зато они часто встречаются на страницах европейских bestiaries и стенах храмов [24, с. 209].

Рис. 1. Плитки первого типа. 1, 2 — первой группы [22, с. 88]; 3–8 — второй группы (3 [29, с. 70], 4 [26, с. 206], 5 [28, с. 12], 6 [13, с. 238], 7 [27, с. 113], 8 [19, с. 569]); 9 — с Ленковецкого городища [6, с. 195].

Рис. 2. Колты. 1 — из клада у ограды Михайловского монастыря [36, с. 193]; 2 — из Киева [20, с. 25]; 3 — из клада на Малой Житомирской улице [36, с. 140]; 4 — из клада в селе Залесье [21, с. 53]

Изображение на плитках выполнено в схематичной манере, детали прорисованы слабо. Всего было зафиксировано 13 вариантов рисунка: решётка, пальмовая ветвь, четыре варианта растительного орнамента, три варианта грифона, два варианта сирина, орёл и рогатый зверь (скорее всего, ещё один вариант грифона) [28, с. 12]. Все они выполнены в схожей манере, однако можно выделить два варианта.

Вариант 1. К нему относятся плитки, найденные только на Крылоской горе, а именно, в Успенском соборе и его округе, на которых изображены грифон (Рис. 1.1) и первый вариант сирина (Рис. 1.2), также к этому варианту можно отнести все плитки с растительным орнаментом. Изображение выполнено в виде линий-контуров, поднятых на 1–2 мм над плоскостью фона, пространство в центре заполнено лишь несколькими штрихами с минимальной детализацией. У грифона оконтурен глаз, обозначено одно ухо, тело заштриховано четырьмя линиями, крыло одной. Сирин прорисован чуть лучше, у него проработан силуэт лица и оконтурено крыло. Шея также заштрихована четырьмя полосами, тела за крылом не видно. Фигуры грифона и сирина окружены изгибающимися ветвями, аналогичными декору на плитках с растительным орнаментом. Стоит отметить, что по сравнению с рядом других памятников древнерусского искусства, где фигура персонажа окружена растительным плетением, на галицких плитках побеги самые густые. На колтах (например, из многочисленных кладов в Киеве, в частности из ограды Михайловского Златоверхого монастыря, с Малой Житомирской улицы или из села Сахновка) такого плетения почти нет [21, с. 16, 17], в архитектурных рельефах его крайне мало (в церкви Покрова на Нерли его нет, на Дмитриевском со-

Рис. 3. Плитки первой группы второго типа [22, с. 94]

Рис. 4. Плитки второй группы второго типа [22, с. 93]

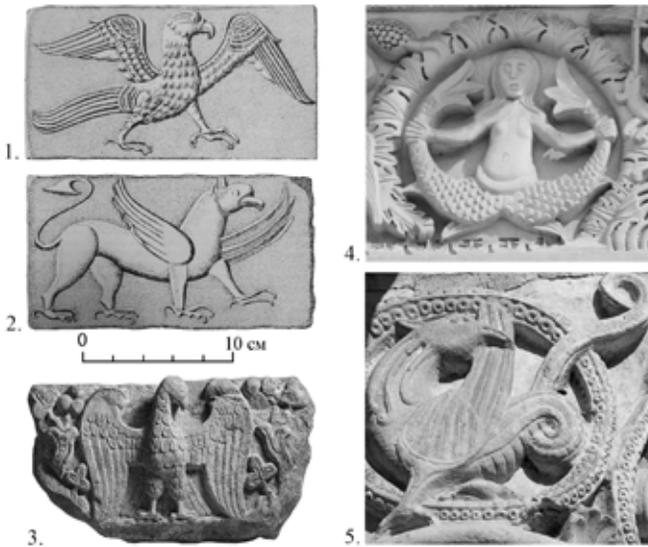
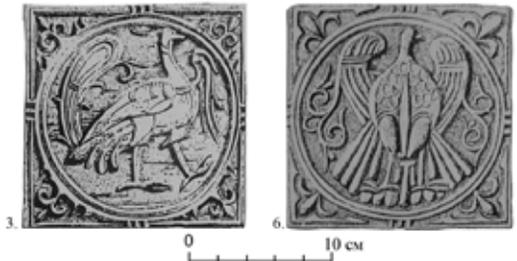

Рис. 5. Керамические и архитектурные рельефы. 1, 2 — плитки из Гнезно [39, с. 199]; 3 — капитель с орлом [40, с. 35]; 4 — рельеф с сиреной (собор Сан-Микеле-ин-Форо, Лукка, Италия); 5 — рельеф с василиском (церковь Сен-Пьер-де-Олне, Франция). Фото В. Н. Матвеева

боре во Владимире присутствуют единичные «процветшие» элементы, в Георгиевском соборе в Юрьеве-Польском, хотя стены и покрыты орнаментальными коврами, вокруг фигур плетения почти нет).

Вариант 2. К нему относятся плитки, найденные не только в округе Успенского собора на Крылосе, но ещё и в церкви на Царинке и «Полигоне» в Галиче, а также в деревянной церкви в Василёве. Изображены на них орёл (Рис. 1.7), три варианта грифона (Рис. 1. 4–6), второй вариант сирина (Рис. 1.8). Плитки отличаются от первого варианта отсутствием как заполняющего растительного орнамента (фигуры находятся на пустом фоне), так и каких-либо процветших элементов самих фигур, а также ещё большей схематичностью изображения: детали почти не разработаны, а внутренние линии ещё более жирные. У сирина обозначено лицо и несколькими линиями разделены части тела, у орла корпус заполнен штриховкой крест-накрест, обозначающей перья.

Полное сходство плиток с изображением второго варианта сирина с Крылоса с такими же плитками из церкви на Царинке, а также плиток с изображением орла из деревянной церкви в Василёве и из «Полигона» говорит о том, что они были сделаны с одних матриц в одной мастерской. Учитывая, что преобладающее их количество было найдено вблизи Успенского собора, логично предположить, что мастерская находилась здесь же, на Крылосе, и была сооружена для обслуживания строительства Успенского собора. Ещё О. М. Иоаннисян писал, что оставшиеся после строительства Успенского собора плитки были использованы в «Полигоне», а основная часть их отправлена в Василёв [13, с. 239]. Получается, что мастерская готовила как минимум два набора плиток: первый (все образцы с растительным орнаментом) использовался только для Успенского собора, второй (образцы с незаполненным фоном) кроме употребления в соборе вывозился на другие объекты в Галиче и за его пределы. Интересно, что плиток с орлом на Крылосе не обнаружено, то есть они сразу делались на вывоз, как и плитки с грифоном, использовавшиеся в «Полигоне» (отличаются от крылосских отсутствием растительного орнамента и иной трактовкой фигуры). Но количество привезённых плиток было небольшим, и для устройства полов приходилось изготавливать дополнительные плитки, что лучше всего видно на примере храма в Василёве. В этом памятнике кроме плиток с орлом есть ещё плитки с изображениями грифона (Рис. 1.3) и оленя [29, с. 32], которые, очевидно, являются подражаниями плиткам с Крылоса. На этих предметах изображение не рельефное, а процарапанное, что говорит о том, что у мастеров, изготавливавших эти плитки, не было матрицы, с которой они могли бы снять копию. Эти плитки были сделаны уже на месте, так как привезённых материалов не хватило.

Возникает ещё один вопрос: почему рельефные плитки использовались именно в этих объектах? Успенский храм — это кафедральный собор, крупнейшая постройка княжества, поэтому для его декора логично использовать яркие и интересные плитки с рельефными изображениями. Но вот чем объясняется наличие рельефных плиток в трёх других памятниках, учитывая, что церкви на Царинке и в Василёве были деревянными? Возможно, что все они строились сразу после Успенского собора, и в них были вывезены плитки, после чего мастерская прекратила свою деятельность.

Отдельно следует остановиться на рельефных плитках с Ленковецкого городища. Целых форм там не найдено, обнаружены только фрагменты (Рис. 1.9), по которым

можно сделать некоторые выводы. Сами плитки тонкие, толщиной около 2 см, на них нанесены изображения способом контурного рельефа. На лучше всего сохранившемся фрагменте видна нижняя часть тела некоего существа с птичьими лапами (сирин, василиск или павлин?), фон лишён растительного орнамента. Это описание вполне соответствует галицким плиткам второго варианта первого типа, однако характер рисунка отличается. Как утверждает автор исследований И. Возный, плитки изготавливались на городище [6, с. 195], а это говорит о том, что в Ленковцах была своя мастерская по производству плиток, безусловно, ориентированная на крылосскую.

Так кто же делал эти рельефные плитки? Плитки первого типа, на которых изображение выполнено в технике контурного рельефа, заполненного сверху поливой, схожи с изделиями из металла, декорированными перегородчатой эмалью. В том, что аналогия не случайна, убеждают и чрезвычайно схожие изображения на колтах сиринов [20, с. 23, 25] и орлов [36, р. 140] (Рис. 2). В то же время створчатые браслеты с рельефным декором [16, с. 276] имеют совершенно иную стилистику. Своим плетением они скорее сходны с черниговскими капителями, о чём уже упоминалось в литературе [2, с. 33].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что плитки первого типа делали люди, которые как минимум были знакомы с произведениями древнерусского ювелирного искусства. Конечно, нельзя говорить о прямом переносе технологии из ювелирного дела в гончарное, но несомненно, что образцом для плиток с контурными рельефами служили именно колты, а не архитектурные рельефы. Несмотря на очевидный романский характер зодчества Галича [14, с. 44], здесь, при активном использовании в декоре зданий резных профилированных деталей, найдено очень мало фрагментов с сюжетной резьбой. В качестве редких исключений можно привести неопределённой атрибуции и датировки рельефы с драконом [8, с. 217] и Богородицею [9, с. 220], сейчас находящиеся в кладке новой Успенской церкви XVI в., и пару консолей с антропо- и зооморфным декором из раскопок Успенского собора [26, с. 142]. Видимо, причина в том, что на территории Венгрии и Польши, откуда пришли мастера, возводившие Успенский собор [15, с. 49], также сюжетные рельефы были достаточно редки, преобладала орнаментальная резьба [38, с. 169–175]. Немногочисленные пришлые резчики работали над декором стен, а декором полов, видимо, занимались местные мастера-керамисты, ориентированные на доступные ювелирные изделия, а не на неизвестные им романские рельефы.

Плитки второго типа найдены в развалах на Золотом Току, мысовой площадке на севере Крылоской горы [11, с. 29; 22, с. 91]. Четкой даты и привязки к зданию у них нет, но, скорее всего, они датируются серединой XIII в. и предназначались для следующего пола в Успенском соборе. Прорисовка изображений на них более тщательная, чем на плитках первого типа. Наиболее заметная деталь — круглая рамка-медальон, в которую заключены рисунки. Композиция изображения, вписанного в круг с виньетками по углам, характерна для многих произведений искусства в Византии и Западной Европе, это весьма распространённый интернациональный мотив. Самые яркие примеры её использования — это так называемые никейские плитки Византии [33, р. 7], а также европейские реликварии из слоновой кости и металла [31, р. 124, 125].

Но главное отличие плиток второго типа — это принципиально иной способ выполнения рельефа: здесь он полностью поднят над поверхностью фона, то есть это полноценный низкий рельеф, а не контурный.

Плитки второго типа, так же как и первого, не составляют монолитного явления, по степени проработанности рисунка их можно разделить на две группы. Скорее всего, это свидетельство того, что деревянные формы, в которых изготавливались плитки, делали два мастера с разным опытом или, что более вероятно, мастер и подмастерье.

К первой группе (работа подмастерья?) относятся четыре варианта рисунка (Рис. 3). Художником были изготовлены четыре матрицы, чрезвычайно схожие между собой: два варианта грифона и два варианта пантеры, которые отличаются только наличием или отсутствием крыльев, тело и лапы трактованы одинаково. Похоже, что в качестве образца использованы плитки первого типа, так как здесь повторены многие характерные для них черты: слабая детализация и штриховка несколькими линиями внутри контура изображения. Тем не менее сам силуэт проработан гораздо лучше. Возможно, плитки первой группы — это первая партия, они имеют в качестве образца изделия первого типа, копируют их некоторые особенности, но уже на новом, более продвинутом уровне и в технике полноценного рельефа.

Ко второй группе относятся три варианта павлина, орёл, сирин и василиск, всего шесть матриц (Рис. 4). Это, вероятно, работа основного мастера или вторая партия плиток, более проработанная. Здесь уже нет схематичности плиток первого типа, нет штриховок, подробно переданы детали внутри контура. У орла проработан корпус, обозначены перья на теле, прочерчены их направления на крыльях. Два варианта павлина также неплохо детализированы, однако в третьем детализация максимальная, тщательно прорисованы перья. Наконец, наиболее тщательно выполнено изображение сирены, у неё проработаны черты лица, видно большое количество складок на одежде, подробно прорисован раздвоенный хвост, концы которого она держит в обеих руках.

На плитках второго типа есть элементы растительного орнамента, однако их меньше, чем на плитках первого. В некоторых случаях они логично продолжают части тел персонажей (процветшие хвосты), в некоторых — искусственно прилеплены сбоку, как бы прорастая из рамки. Наиболее развит этот декор на плитках с изображением орла, здесь он выглядит как один-два небольших побега, гораздо более скромные, чем на плитках первого варианта первого типа.

На плитках второго типа отсутствует, за редчайшим исключением, полива, что свидетельствует о том, что процесс их изготовления не был завершен. В фондах Государственного Эрмитажа и Музея на Крылосе в Галиче² есть образцы с поливой, которая полностью покрывает поверхность изделия, и из-под неё также видны только контуры. Этот факт снимает давно дискутируемые вопросы относительно того, для какой части интерьера предназначались плитки, для пола или стен [28, с. 42], окончательно решая его в пользу пола. На плитках нет следов стёртости, а на большинстве из них отсутствуют следы поливы — все это говорит о том, что на момент попадания в землю они находились в процессе производства, то есть керамическая основа уже была сфор-

² Часть национального заповедника «Древний Галич».

мована и обожжена, а поливой покрыть успели лишь небольшую часть. Весьма вероятно, что плитки изготавливали здесь же, на Крылосе, а значит, встает вопрос о связи их производства с плитками первого типа, которые, скорее всего, относятся к 50–60-м гг. XII в. Надежной датировки для плиток второго типа нет, но по косвенным признакам (прежде всего это время появления аналогичных по морфологии плиток в Польше) они могут быть датированы первой половиной XIII в., скорее, ближе к 30–40-м гг.

Между двумя типами галицких рельефных плиток есть существенный временной разрыв как минимум в несколько десятков лет, а как максимум лет 80–90. За это время мастера, изготовившие плитки первого типа, прекратили свою деятельность, и плитки второго типа делали совсем другие ремесленники с иным опытом, которые в качестве образца использовали уже не плоские ювелирные изделия, а рельефы. Проблема лишь в том, что в XII–XIII вв. рельефный декор был распространен на территории Европы, Византии и Руси и использовался не только для декора стен зданий, но и керамики, так что круг вероятных образцов для подражания весьма широк.

Несмотря на то что керамические плитки были едва ли не самым часто используемым способом покрытия пола в Древней Руси³ и применялись в архитектуре всех земель, нигде, кроме Галича, рельефных сюжетных изображений на них не было. С сюжетными изображениями (на поливе) плитки найдены только в Боголюбове, где обнаружены два обломка со схематичным изображением двух зверей («грифонов») [10, рис. 153]. Зато в большом количестве рельефные плитки встречаются в Западной Европе, их керамическая основа как раз полностью аналогична плиткам из Галича второго типа. Однако декорированы они по большей части геометрическим орнаментом [30; 34; 35; 37; 41], изображения мифических существ встречаются там изредка, а по качеству рисунка они сильно уступают галицким плиткам. Отдельно стоит упомянуть чрезвычайно интересную коллекцию плиток с Горы Леха (детинца древнего города) в Гнезно [39, s. 196–208]. Они отличаются от галицких по морфологии и стилю изображений, однако выделяются среди остальных плиток Польши и Западной Европы тем, что на них присутствуют исключительно рельефные (именно позитивный рельеф и не инкрустация) сюжетные изображения. Помещены на этих плитках в том числе и изображения орла и грифона (Рис. 5. 1,2), которые хотя и отличны от галицких по иконографии, но сходны с ними по вниманию к мелким деталям.

Также рельефные изображения мифических персонажей были на византийской штампованной белоглиняной керамике IX–XI вв. В основном это блюда, по центру которых врезано изображение, покрытое свинцовой прозрачной поливой, обычно жёлтой или тёмно-зелёной. Такая посуда производилась в мастерских Константинополя [12, с. 15], откуда потом развозилась по городам империи, в том числе и в Херсонес. На византийской штампованной керамике размещались орлы, павлины и грифоны, причём в очень схематичной манере, и она никак не могла быть тем образцом, на который

³ Вероятно, не реже использовались и выкладки полов плинфой или заливка известковым раствором, но они практически не найдены *in situ*, а в разрушенном виде отличить их от тех материалов, которые использовались для выкладки стен, невозможно.

опирались мастера при изготовлении галицких рельефных плиток второго типа, как считал О. Кошевой [18, с. 146].

В Византии при широком распространении резных каменных деталей полноценных сюжетных рельефов было немного. Рельефные вставки применялись фрагментарно [32, р. 59], использовались отдельные панели (в венецианском соборе Сан-Марко, церкви Малая Митрополия в Афинах, Св. Софии в Трапезунде). Такая же система декора перешла и на Русь, где рельефы использовались как отдельные вставки (обилие резьбы в Северо-Восточной Руси объясняется как раз отходом от византийского канона и декором в западноевропейской традиции в исполнении западных же мастеров). Так, в Киеве было найдено несколько рельефных плит [1, с. 267, 271–273] с изображением человеческих фигур (всадники, Кибела или Дионис, Самсон или Геракл), из зверей представлен только грифон, то есть самый популярный и широко распространённый мифический персонаж.

Фрагментарно каменные рельефы применялись также в зодчестве Чернигова, Рязани и Галича. В Чернигове это были знаменитые капители, изображения на которых гепарда, дракона и орла, окружённых плетением, по стилю напоминают створчатые браслеты [7, с. 179]. В Рязани сюжетных рельефов вообще не было, резной камень там был декорирован орнаментом [25, с. 92–95] (исключение составляет изображение мужской головы, но это уже полноценная скульптура). Подлинное изобилие разнообразных рельефов представлено на стенах храмов Северо-Востока Руси, а именно, Владимира, Боголюбова, Суздаля и Юрьева-Польского. Из совпадающих с галицкими персонажей там есть грифон, сирий, павлин и орёл, которые, однако, на разных памятниках толкуются по-разному, но можно выделить общую тенденцию: в памятниках XII в. (церковь Покрова на Нерли [10, с. 295] и Дмитровский собор [5, с. 264–292]) персонажи изображены схематично, у них очерчен контур тела и чуть выделены крылья, на изображениях XIII в. (Суздальский собор [4, с. 35], Георгиевский собор в Юрьеве-Польском [3, с. 105]) фигуры проработаны тщательнее. С галицкими плитками владимирскую резьбу роднит помещение изображений в медальонах, такой же невысокий рельеф, наличие немногочисленного растительного орнамента. Но есть и существенные различия: другая иконография, разные наборы персонажей, например на галицких плитках нет изображений льва, ведущего образа Владимиро-Суздальской резьбы, нет антропоморфных образов.

Прямой аналогии по стилю среди архитектурных рельефов галицким рельефным плиткам второго типа найти не удалось. Однако на них размещены некоторые изображения мифических существ, имеющих аналогии только в романских рельефах Западной Европы, в особенности юго-восточной Франции и северных и центральных областей Италии: прежде всего это характерный образ сирены, держащей в двух руках свой раздвоенный хвост, а также пантеры и василиска (Рис. 5. 1–3).

Как представляется, создателями галицких плиток второго типа были носители романской художественной традиции, своими глазами видевшие рельефы в Италии или Франции. В то же время сами плитки изготавливали на месте, в Галиче, и традиционные образы были переосмыслены. Так, василиск лишился своего петушиного гребня, а раздвоенный хвост сирены на галицких плитках стал перекрещивающимся. Скорее

всего, непосредственными изготовителями плиток второго типа были члены архитектурных артелей монашеских орденов цистерцианцев или доминиканцев, прекрасно знакомые с техникой романской резьбы.

Подводя итог, отметим, что галицкие рельефные плитки — это достаточно искусственная конструкция, в которой объединены разные предметы только по признаку наличия рельефного изображения. Плитки первого типа — это предметы, сделанные местными мастерами, которые в качестве образца использовали ювелирные изделия, прежде всего колты⁴. Предметы второго типа сделаны пришлыми западноевропейскими мастерами, ориентировавшимися на романские рельефы, образы которых были не просто скопированы и перенесены с камня на керамику, а творчески переработаны.

Литература

1. *Архипова Е. И.* Резной камень в архитектуре древнего Киева. — Киев: Стило, 2005. — 285 с.
2. *Архипова Е. И.* Романская архитектурная резьба Борисоглебского собора в Чернигове // Матеріальна та духовна культура Південної Русі. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару, присвяченого 100-літтю від дня народження В. Й. Довженка (Чернігів — Шестовиця, 16–19 липня 2009 р.) / Под ред. П. П. Толочко. — Чернігів: ЧНПУ імені Т. Г. Шевченка, 2012. — С. 25–35.
3. *Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польский. — М.: Наука, 1964. — 188 с.
4. *Вагнер Г. К.* Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор. XIII век. — М.: Искусство, 1975. — 183 с.
5. *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир. Боголюбово. — М.: Искусство, 1969. — 480 с.
6. *Возний І.* Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірету та середнього Дністра в X–XIV ст. Частина 2. Матеріальна, духовна культура та соціально-історичний розвиток. — Київ-Чернівці: Золоти Литаври, 2009. — 592 с.
7. *Воробьева Е. В.* Семантика и датировка Черниговских капителей // Средневековая Русь / Под ред. Г. К. Вагнера. — М.: Наука. — 1976. — С. 175–183.
8. *Воробьева Е. В.* Рельеф с драконом из Галича // Советская археология. — 1981. — Т. 1. — С. 209–218.
9. *Воробьева Е. В., Тиц А. А.* Анализ и реставрация Успенского собора XII в. в Галиче // Советская археология. — 1983. — Т. 1. — С. 213–230.
10. *Воронин Н. Н.* Зодчество северо-восточной Руси XII–XV вв.: в 2 тт. — Т. I (XII столетие). — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 583 с.
11. *Гончаров В. К.* Археологічні дослідження древнього Галича в 1951 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. — 1955. — Т. V. — С. 22–31.
12. *Залеская В. Н.* Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV веков. Каталог коллекции Государственного Эрмитажа. — СПб.: Изд-во ГЭ, 2011. — 256 с.
13. *Иоаннисян О. М.* Новые исследования одного из памятников галицкого зодчества XII века // Советская археология. — 1983. — Т. 1. — С. 231–244.
14. *Иоаннисян О. М.* Итоги и задачи археологического изучения Галицкого зодчества XII–XIII вв. // Древнерусский город. Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвящённой 1500-летию г. Киева, март 1982 г. / Ред. П. Толочко, Я. Боровский, А. Моця. — Киев: Наукова Думка, 1984. — С. 41–44.
15. *Иоаннисян О. М.* Основные этапы развития Галицкого зодчества // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. / Под ред. А. И. Комеча и О. И. Победовой. — М.: Наука, 1988. — С. 41–58.

⁴ Например, аналогичные найденным в кладе у ограды Михайловского монастыря или на Малой Житомирской улице в Киеве.

16. *Калашикова Н. М., Корниенко А. И., Рябцева С. С.* Створчатые браслеты. Традиция до и после Нашествия // *Stratum plus*. — 2016. — № 5. Нашествие. Пределы катастрофы XIII века. — С. 269–297.
17. *Каргер М. К.* Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 году // *Краткие сообщения Института археологии*. — 1960. — Вып. 81. — С. 61–71.
18. *Кошовий О. П.* Галицькі керамічні плитки XII–XIII ст. (Генеза. Іконографія. Семантика): дис... к. и. н. — Львів, 1997. — 164 с.
19. *Лукомський Ю. В.* Невідомі церкви на подолі княжого Галича // *Записки наукового товариства імені Шевченка. Праці Археологічної комісії*. — 1998. — Т. ССХХХV. — С. 559–593.
20. *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. — М.: Наука, 1975. — 135 с.
21. *Макарова Т. И.* Черное дело Древней Руси. — М.: Наука, 1986. — 156 с.
22. *Малевская М. В., Ратпопорт П. А.* Декоративные керамические плитки древнего Галича // *Slovenska archeologia*. — 1978. — Vol. XXVI–1. — С. 87–97.
23. *Матвеев В. Н.* Галицкие рельефные плитки: европейский контекст. Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 7 / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. — С. 384–398. URL: <http://dx.doi.org/10.18688/aa177-4-38> (дата обращения: 30.01.2019).
24. *Матвеев В. Н.* Происхождение образов зверей на галицких рельефных плитках // *Матеріали міжнародної науково-практичної конференції «Успенський собор Галича. Минуле, сучасне, майбутнє»*. Галич, 14–15 грудня 2017 року / Под ред. С. *Побуцького*. — Галич, Інформаційно-видавничий відділ Національного заповідника «Давній Галич», 2017. — С. 195–209.
25. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань // *Материалы и исследования по археологии СССР*. — № 49 / Под ред. Н. Н. Воронина. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 228 с.
26. *Пастернак Я.* Старий Галич. Археологічно-історичні досліді у 1850–1943. — Івано-Франківськ: Плай, 1998 — 347 с.
27. *Тимощук Б. А.* Декоративные плитки XII–XIII вв. из Василёва // *Краткие сообщения Института археологии*. — 1969. — Вып. 120. — С. 112–113.
28. *Ткачук Т. М., Тимус Л. К.* Галицькі керамічні плитки із рельєфними зображеннями та гончарні клейма. Каталог. — Галич: Нац. заповідник «Давний Галич», 1997. — 60 с.
29. *Томенчук Б. П.* Археологія городищ Галицької землі. Галицько-Буковинське Прикарпаття. — Івано-Франківськ: Симфонія форте, 2008. — 619 с.
30. *Bojęś-Białasik A., Niemiec D.* Medieval Ceramics Techniques in Architecture of Cracow's Dominicans // *Forum Urbes Medii Aevi*. — 2016. — Т. 13. — С. 35–48.
31. *Enamels of Limoges. 1100–1350: Catalogue of the Exhibition in Metropolitan Art Museum / Ed. H. N. Abrams*. — New York: Metropolitan Museum of Art, 1996. — 478 p.
32. *Evans H., Holcomb M., Hallman R.* The Arts of Byzantium // *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*. — Spring 2001. — Vol. LVIII. — No. 4. — P. 2–68.
33. *Gerstel S.* The Nicomedia Workshop: New Evidence on Byzantine Tiles // *The Journal of the Walters Art Museum*. — 2010. — No. 66/67. — P. 5–53.
34. *Hejzdová D., Nechvátal B.* Raněstředověké dlaždice v Čechách // *Památki archeologické*. — 1970. — Ročník LXI. Číslo 1,2. — S. 395–458.
35. *Norton C.* Medieval Tin-Glazed Painted Tiles in North-West Europe // *Medieval Archeology*. — 1984. — Vol. 28. — P. 133–172.
36. *Pekarska L.* Jewellery of Princely Kiev. — Mainz; London: Verlag des Römischen-Germanischen Zentralmuseums, 2011. — 258 p.
37. *Piątkiewicz-Dereniowa M.* Płytki posadzkowe z opactwa Benedyktynów w Tyńcu // *Folia historiae artium*. — 1971. — T. 6/7. — S. 239–265.
38. *Quirini-Popławski R.* Rzeźba przedromańska i romańska w Polsce wobec sztuki włoskiej. — Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2006. — 236 s.
39. *Sawicki T.* Pracownia romańskiej ceramiki architektonicznej na Gorze Lecha. Gniezno w świetle ostatnich badań archeologicznych. Nowe fakty. Nowe interpretacje / Red. Z. *Kurnatowska*. — Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2001. — S. 187–221.
40. *Soultanian J.* Italian Medieval Sculpture in the Metropolitan Museum of Art and the Cloisters. — New York: The Metropolitan Museum of Art, 2010. — 355 p.
41. *Szewczyk-Wojtasiewicz M.* Ceramiczne płytki posadzkowe z katedry romańskiej na Wawelu // *Slavia Antiqua*. — 1999. — T. 40. — S. 151–167.

Название статьи. Галицкие керамические плитки: проблема поиска образцов.

Сведения об авторе. Матвеев Василий Николаевич — младший научный сотрудник. Государственный Эрмитаж, Дворцовая набережная, д. 34, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191186. vmatveev88@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена уникальным керамическим плиткам XII–XIII вв., найденным на территории Галича и двух городищ на Буковине, рельефный декор которых не имеет аналогов на территории Руси. По комплексу признаков они делятся на два типа.

Плитки первого типа меньше размером, рисунок на них схематичный, образован внешней контурной линией и несколькими внутренними, все пространство между ними покрыто поливой, внутри контура детали практически не проработаны. По форме и размерам плитки первого типа характерны для Руси, их изготовляли местные ремесленники, опирающиеся на местную художественную традицию, имевшие перед собой образцы в виде ювелирных изделий, прежде всего колтов.

Плитки второго типа больше по размеру, изображение на них уже не контурное, а представляет собой полноценный рельеф, то есть весь рисунок поднят над поверхностью плитки. Сам рисунок гораздо более тщательный, проработаны детали, видны перья на крыльях грифонов и павлинов, складки одежд у сирен. В целом плитки второго типа явно имеют связь с романским рельефным архитектурным декором. Важным аргументом в пользу этого является тот факт, что некоторые изображённые персонажи (пантера, василиск, сирена) на Руси больше не встречаются, но их много на страницах бестиариев и стенах романских храмов. Изготавливали плитки второго типа, вероятно, приезжие мастера, но при этом они выработали свой стиль, персонажи на плитках немного отличаются от западных аналогов, хотя и сохраняют основные черты, по которым их можно определить.

Рассмотрение особенностей изображений, размещённых на галицких плитках, подтверждает выводы, полученные при анализе их морфологии. Плитки первого типа относятся к местной, древнерусской традиции, второго — к привнесённой, западноевропейской, романской.

Ключевые слова: керамические плитки; Галич; мифические существа; романские рельефы; декор.

Title. Relief Tiles from Halich: A Problem of Samples' Searching.

Author. Matveev, Vasilii Nikolaevich — researcher. The State Hermitage Museum, Dvortsovaia nab, 34, 191186 St. Petersburg, Russian Federation. vmatveev88@inbox.ru

Abstract. The aim of this report is to analyze the relief tiles from Halich in the wide context of applied art and architecture décor, to find the possible provenance of the craftsmen who produced them.

All the relief tiles can be divided into two types, which differ in morphology (dimensions, peculiarities of clay mass) and style of images. Tiles of the first type are smaller, the draft is schematic, consists of outer counter line and a few inner lines. They were typical of Old Rus' architecture by their size and shape, were produced by local craftsmen, who worked according to the local art tradition and used the motifs which they could see on the kolts.

Tiles of the second type were bigger, they had not a counter but a real relief image on them, so that the picture distinctly stands out from the tile. The drawing was made carefully, with many peculiar details. Generally, the motives represented on these tiles are definitely connected with the Romanesque architectural reliefs. Tiles of the second type are a part of the European art tradition, especially their morphology is typical of European building ceramic. They were made by the foreign craftsmen, but in this case they were made in a special manner, which isn't the same as the west analogues.

The peculiarities of images of the Halich tiles confirm the conclusions drawn from the analysis of morphology. The tiles of the first type are related to the local tradition of Old Rus, the tiles of the second type belong to the imported, West European, Romanesque tradition.

Keywords: ceramic tiles; Halich; fantastic creatures; Romanesque reliefs; décor.

References

Arkhipova E. I. *Reznoi kamen' v arkhitekture drevnego Kiyeva (Curved Stone in Architecture of Ancient Kiyv)*. Kiev, Stilos Publ., 2005. 285 p. (in Russian).

Evans H.; Holcomb M.; Hallman R. The Arts of Byzantium. *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*, 2001, spring, vol. 58, no. 4, pp. 2–68.

Gerstel S. The Nicomedia Workshop: New Evidence on Byzantine Tiles. *The Journal of the Walters Art Museum*, 2010, no. 66/67, pp. 5–53.

Goncharov V. K. Archeological Research of Old Halich in 1951. *Archeologichni pamiatki Ukrainskoy Radianskoy Socialistichnoy Republiki (Archeological Monuments of Ukrainian Soviet Socialist Republic)*, 1955, vol. 5, pp. 22–31 (in Ukrainian).

Ioannisian O. M. New Researches of One Monument of the Halich Architecture. *Sovetskaia archeologiya (Soviet Archeology)*, 1983, vol. 1, pp. 231–244 (in Russian).

Ioannisian O. M. The Main Stages of Halich' Architecture Development. *Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaia kultura 10 — pervoi poloviny 13 vekov (Old Rus' Art. Art Culture of the 10th — First Half of the 13th Century)*. Moscow, Nauka Publ., 1998, pp. 41–58 (in Russian).

Kalashnikova N. M.; Korniyenko A. I.; Ryabtseva S. S. Hinged Bracelets. Tradition before and after Invasion. *Stratum plus*, 2016, no. 5. Invasion. Limits of Disaster of 13th Century, pp. 269–297.

Karger M. K. Main Results of Old Halich Excavations in 1955. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archeology)*, 1960, vol. 81, pp. 61–71 (in Russian).

Koshoviy O. P. *Galitsky keramichni plitki 12–13 stolit' (Halich Ceramic Tiles of the 12th–13th Century. Genesis. Iconography. Semantic)*, unpublished Ph. D. dissertation. Lviv, 1997 (in Ukrainian).

Lukomskiy J. V. Unknown Churches in the Halich Suburbia. *Zapiski naukovogo tovaristva imeni Shevchenka. Pratsi Archeologichnoy komisii (Proceedings of Shevchenko Science Association. Transactions of Archeological Commission)*, 1998, vol. 235, pp. 559–593 (in Ukrainian).

Makarova T. I. *Peregordchatye emali Drevnei Rusi (Cloisonne Enamel of Old Rus)*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 135 p. (in Russian).

Makarova T. I. *Chernevoe delo Drevnei Rusi (Niello Craft of Old Rus)*. Moscow, Nauka Publ., 1986. 156 p. (in Russian).

Malevskaya M. V.; Rappoport P. A. Decorative Ceramic Tiles of Old Halich. *Slovenska archeologia (Archeology of Slovenia)*, 1978, vol. 26–1, pp. 87–97 (in Russian).

Matveev V. N. Origin of Images of Beasts on the Halich Relief Tiles. *Dormition Cathedral in Halich. Past, Present and Future, Materials of International Scientific and Practical Conference*. Halich, Ancient Halich Reserve Publ., 2017, pp. 195–209 (in Russian).

Matveev V. N. Relief Tiles from Halich: The European Context. Mal'tseva S. V.; Staniukovich-Denisova E. Iu.; Zakharova A. V. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 7*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press Publ., 2017, pp. 384–397. Available at: <http://dx.doi.org/10.18688/aa177-4-38> (accessed 30 January 2019) (in Russian).

Norton C. Medieval Tin-Glazed Painted Tiles in North-West Europe. *Medieval Archeology*, 1984, vol. 28, pp. 133–172.

Pasternak J. *Starij Galich. Archeologichno-istorichni doslidi v 1850–1943 (Ancient Halich. Archeological and Historical Investigations in 1850–1943)*. Ivano-Frankovsk, Plai Publ., 1998. 347 p. (in Ukrainian).

Pekarska L. *Jewellery of Princely Kiev*. Mainz; London, Verlag des Römischen-Germanischen Zentralmuseums Publ., 2011. 258 p.

Piantkiewicz-Dereniowa M. Floor Tiles from Benedictines Abbey in Tynec. *Folia historiae atrium*, 1971, vol. 6/7, pp. 239–265 (in Polish).

Quirini-Popławski R. *Rzeźba przedromańska i romańska w Polsce wobec sztuki włoskiej*. Kraków, Wydawnictwo uniwersytetu Jagiellońskiego Publ., 2006. 236 p. (in Polish).

Sawicki T. Pracownia romańskiej ceramiki architektonicznej na Gorze Lecha. *Gniezno w świetle ostatnich badań archeologicznych. Nowe fakty. Nowe interpretacje*. Poznań, Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk Publ., 2001, pp. 187–221 (in Polish).

Szewczyk-Wojtasiewicz M. Cermic Floor Tiles from Romanesque Cathedral in Wawel. *Slavia Antiqua*, 1999, vol. 40, pp. 151–167 (in Polish).

Timoschuk B. A. Decorative Tiles of the 12th–13th Century from Vasiliiv. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archeology)*, 1969, vol. 120, pp. 112–113 (in Russian).

Tkachuk T. M.; Timus L. K. *Galitsky keramichni plitki iz reliefnimi zobrazenniami ta goncharni klejma (Halich Ceramic Tiles with Reliefs and Pottery's Stamps)*. Halich, National park "Davnij Galich" Publ., 1997. 60 p. (in Ukrainian).

Tomenchuk B. P. *Arkheologiya gorodisch Galitskoï zemli. Galitsko-Bukovinske Prikarpattya (Archeology of Halich Land Hillforts. Halich-Bukovina Subcarpatia)*. Ivano-Frankovsk, Simfonia Forte Publ., 2008. 619 p. (in Ukrainian).

Vagner G. K. *Skulptura Drevnei Rusi. 12 vek. Vladimir. Bogoliubovo (Sculpture of Old Rus. 12th Century. Vladimir. Bogoliubovo)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969. 480 p. (in Russian).

Vagner G. K. *Belokamennaia rez'ba drevnego Suzdalya. Rozhdestvenskii sobor. 13 vek (Whitestone Curving of Old Suzdal. Cathedral of the Nativity of the Virgin. 13th Century)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975. 183 p. (in Russian).

Vorobèva E. V. Relief with a Dragon from Halich. *Sovetskaia archeologiia (Soviet Archeology)*, 1981, vol. 1, pp. 209–218 (in Russian).

Vorobèva E. V.; Tits A. A. Analysis and Restoration of the of 12th-Century Dormition Cathedral in Halich. *Sovetskaia archeologiia (Soviet Archeology)*, 1983, vol. 1, pp. 213–230 (in Russian).

Voronin N. N. *Zodchestvo severo-vostochnoi Rusi XII–XIV vekov v dvuch tomach (Architecture of North-East Rus of the 12th–14th Centuries)*, vol. 1. Moscow, Academy of Sciences USSR Publ., 1961. 583 p. (in Russian).

Vozniy I. *Istoriko-kulturniy rozvitok naseleennya mezhirichchya Verkh'nogo Siretu ta serednogo Dnistra v 10–14 st. Chastina 2. Materialna, dukhovna kultura ta sotsialno-istorichniy rozvitok (Historical and Cultural Development of the Population of the Upper Siret and Middle Dniestr Interfluve in the 10th–14th Centuries. Part 2. Material and Spiritual Culture, Social and Historical Development)*. Kiiiv; Chernivtsi, Zoloti Litavri Publ., 2009. 592 p. (in Ukrainian).

Zalesskaya V. N. *Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva. Vizantiiskaia keramika 9–15 vekov. Katalog kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Monuments of Byzantine Applied Art. Byzantine Ceramics of 9th–15th Centuries in the Collection of The State Hermitage)*. St. Petersburg, The State Hermitage Museum Publ., 2011. 256 p. (in Russian).